УДК 81'25-057.4

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.4.7

Л.В. Кушнина

Получена: 19.11.2016

Принята: 26.11.2016

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермь, Россия

Опубликована: 30.12.2016

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Обсуждается проблема языковой личности переводчика как отражение антропоцентрического подхода в переводоведении. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что феномен языковой личности переводчика становится одним из ключевых понятий теории и практики перевода, определяющих стратегию и тактику принятия оптимальных переводческих решений. Цель статьи состоит в выявлении роли языковой личности переводчика в системе современных исследовательских парадигм: лингвоцентрической, коммуникативной, функционально-типологической, когнитивной. Автор статьи рассматривает основные теоретические положения традиционных и новых исследовательских парадигм, которые, с одной стороны, раскрывают состояние теории и практики переводческой деятельности на рубеже XX-XXI веков, с другой стороны, акцентируют внимание на том, каким образом позиционируется языковая личность переводчика в каждой обозначенной парадигме, какие принципы и методы анализа переводного дискурса используются для понимания переводящей личности как субъекта переводческой коммуникации. Автор исследует представленные научные парадигмы сквозь призму теории языковой личности переводчика как одного из направлений интенсивно развивающейся лингвоперсонологии. В статье представлена авторская концепция переводческого пространства, принадлежащая к когнитивным моделям перевода, где роль языковой личности переводчика особенно значима благодаря вычленению отдельного поля переводчика, в котором имеет место анализ индивидуально-образного смысла, сопровождаемого синергией и гармонизацией с другими смыслами, формируемыми в полях переводческого пространства. Когнитивный анализ процесса транспонирования смыслов в сознании языковой личности переводчика отражен в поле переводчика, позволяет выявить условия формирования элитарной языковой личности переводчика как носителя элитарной речевой культуры, создающем качественный, гармоничный перевод, который естественным образом вписывается в принимающую лингвокультуру и становится ее полноценным достоянием.

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая личность переводчика, переводческая модель, переводческое пространство, гармоничный перевод.

L.V. Kushnina

Received: 19.11.2016

Accepted: 26.11.2016

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia

Published: 30.12.2016

TRANSLATOR'S LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH THE MODERN SCIENTIFIC PARADIGMS

The article discusses the problem of translator's linguistic personality as the reflection of anthropocentric approach in translation studies. The relevance of the topic is that the phenomenon of translator's linguistic personality is becoming one of key concepts in the theory and practice of translation, that determine the strategy and the tactics of optimum translator decision-taking. The aim of the article is to reveal the role of the language personality of a translator in the system of modern research paradigms – language-centered, communicative, functional-typological, cognitive. The author examines the main theoretical theses of traditional and modern research paradigms. On the one hand, they reveal the state of translation theory and practice at the turn of the XIX-XXI centuries. On the other hand, they draw

attention to the way translator's linguistic personality is presented in each specified paradigm, which principles and methods of translated discourse analysis are used for understanding translator's personality as a subject of translation communication. The author analyses the paradigms mentioned above through the theory of translator's linguistic personality as one of intensively developing avenues in linguistic personology. The article represents the original conception of translation space that belongs to cognitive models of translation where the role of linguistic personality is essential, because a special translator's field is defined in which the individual and figurative sense analysis takes place that is combined with the synergy and harmonization with the other senses formed in the fields of translator's space. Cognitive analysis of sense replacement process in the mind of translator's linguistic personality that is reflected in translator's field let us to determine the conditions of forming elite verbal personality of a translator who possesses elite verbal culture and who produces harmonic, qualitative text that becomes a constituent part of target culture and becomes its complete cultural heritage.

Keywords: *anthropocentrism, translator's linguistic personality, translation model, translation space, harmonic translation.*

Антропоцентрический характер эволюции теории перевода как системы знания в ретроспективе и в перспективе позволяет сформулировать некоторые ведущие принципы, которые долгое время определяли и продолжают определять ее системное описание. Современное состояние развития переводоведения можно представить сквозь призму языковой личности переводчика, в полной мере отвечающей идее антропоцентризма. В рамках данной статьи мы намерены обобщить имеющиеся на данный момент представления о сущности процесса перевода, акцентируя внимание на феномене языковой личности переводчика как центральном понятии теории и практики перевода.

Наше видение существующих исследовательских парадигм можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, языковая личность переводчика находит отражение в такой системе понятий, как языковое сознание, языковая способность, коммуникативная потребность, коммуникативная компетентность, переводческое мышление, переводческое мировоззрение, переводческая картина мира. Во-вторых, совокупность вышеназванных качеств языковой личности в той или иной степени реализуется в различных подходах к пониманию процесса перевода, определяющих стратегию и тактику переводческой деятельности, пути постановки конкретных переводческих задач и достижения оптимальных переводческих решений. Из всей совокупности имеющихся подходов мы вычленили следующие: лингвоцентрический, коммуникативный, функционально-типологический, когнитивный. Именно эти подходы, на наш взгляд, определяют состояние теории и практики переводческой деятельности на рубеже XX–XXI веков. Наряду с этими важнейшими параметрами, которые подлежат анализу с позиций каждого подхода, мы обращаем особое внимание на вычленение единиц перевода и выявление критериев оценки качества перевода. Таков круг проблем, которые мы намерены осветить в данной статье.

Переходим к общей характеристике подходов. Начнем с лингвоцентрического. Подчеркнем, что данный подход реализован в подавляющем большинстве отечественных исследований, можно сказать, что классическое отече-

ственное переводоведение занимало эти позиции, и среди современных ученых немало их последователей и приверженцев. Речь идет о выдающихся ученых, создавших фундамент современной науки: А.В. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.К. Латышев, В.Г. Гак, и др. Учеными описаны и разработаны основные модели перевода: ситуативно-денотативная, трансформационная, семантическая, теория уровней эквивалентности. Согласно ситуативно-денотативной модели любая ситуация действительности может быть описана средствами любого языка, что отражает идею принципиальной переводимости. Трансформационная модель акцентирует внимание на лексико-синтаксическом перефразировании и семантических модификациях, что нашло отражение в многочисленных переводческих приемах и трансформациях, предлагаемых переводчикам. Семантические модели нацелены на экспликацию семантических расхождений между языками. Что касается теории уровней эквивалентности, речь идет о возможности достижения эквивалентности между текстами оригинала и перевода на следующих уровнях: уровень цели коммуникации, уровень описания ситуации, уровень слова, уровень структуры высказывания, уровень знаков. Мы не останавливаемся подробно на содержании данного подхода, так как оно изложено в многочисленных публикациях, получивших широкую известность. Вместе с тем мы считаем, что современный ландшафт переводоведения невозможно представить без лингвоцентрического подхода, который является базовым для многих последующих концепций и подходов.

Переходим к коммуникативным моделям. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, здесь представляет интерпретативная теория перевода (ИТП), разработанная французскими исследователями Д. Селескович и М. Ледерер [14]. Русскоязычная версия их концепции представлена в исследовании Т.И. Бодрова-Гоженмос. Авторы подчеркивают, что «ИТП – это не лингвистическая, а коммуникативная теория перевода» [3, с. 44]. Важнейшая идея авторов ИТП состоит в том, что порождение текста перевода совершается по тем же закономерностям, что и порождение текста на родном языке: «Подобно тому, как в одноязычной коммуникации мы воспринимаем не отдельные слова высказывания, а его цельный смысл, так и в переводе мы не вычленим значения составляющих высказывание слов, а извлекаем общий смысл из текста оригинала» [3, с. 47]. При этом авторы подчеркивают, что смысл не тождественен сумме значений составляющих его слов. В рамках данной концепции различают три уровня переводов, которые мы кратко опишем. Во-первых, речь идет об уровне перевода отдельных слов, рассматриваемых вне контекста (например, перевод технических номенклатур), что можно представить в виде перекодирования языковых значений. Во-вторых, выделяется уровень учебного перевода, когда необходимо перевести отдельные предложения в соответствии с грамматическими и лексическими формами. В данном случае речь идет о еди-

ницах языка, а не единицах коммуникации. Третий уровень касается текстов, выступающих единицами коммуникации. Как отмечает Бодрова-Гоженмос, «...тексты (высказывания) как единицы вербальной монологичной коммуникации обладают смыслом, складывающимся из актуализированных в речи, языковых значений слов и предложений, составляющих текст, и когнитивных дополнений, которые переводчик черпает или из своего когнитивного багажа, или из когнитивного контекста» [3, с. 49]. Именно третий уровень, когда текст перевода порождается, исходя из смысла, по мысли создателей ИТП, соответствует целям коммуникации. Преломляя данную концепцию сквозь призму заявленной нами проблемы, приходим к выводу о том, что лишь третий, собственно коммуникативный уровень позволяет высветить роль языковой личности переводчика, так как речь идет о его когнитивном багаже и его когнитивном контексте. Действительно, можно сказать, что в концепции ИТП языковая личность переводчика пронизывает своим интеллектуально-эмоциональным содержанием процесс перевода, обеспечивающий полноценную межличностную, межкультурную, межкультурную коммуникацию.

Функционально-типологический подход представлен двумя не связанными между собой концепциями. К функциональному подходу мы относим, во-первых, разработки современного канадского ученого Ж. Делиля, большинство из которых до сих пор не переведено на русский язык, в связи с чем мы представим их собственную интерпретацию. Во-вторых, типологическое направление в теории перевода разрабатывает современный российский ученый Л.М. Алексеева.

Заслугой Ж. Делиля мы считаем выявление им восьми функций перевода, что вписывается в современные лингвокультурологические концепции перевода. Автор выделяет и анализирует следующие функции перевода: перевод как источник вдохновения, перевод как школа стиля, трансгрессивный перевод, паллиативный перевод, перевод как культуроформирующий фактор, перевод-барометр, идентифицирующий перевод, перевод как фактор переноса литературных жанров. Подчеркнем идею Ж. Делиля о том, что перевод является не просто диалогом культур, но он формирует культуры: «La traduction n'est pas seulement ce qui permet le dialogue entre les cultures: elle est ce qui bien souvent, les façonne» [13, p. 46]. Как явствует из анализа современных теоретических источников, некоторые из выявленных ученым функций ранее не рассматривались в отечественных исследованиях. Из представленной концепции очевидно, что все вышеназванные функции принадлежат языковой личности переводчика. Этот вывод представляется бесспорным, если мы обратимся к таким функциям, как источник вдохновения или школа стиля. Что касается трансгрессивного или паллиативного перевода, решение на такой тип перевода также принимает личность, субъект перевода. В некоторой степени этот вывод относится и к функции барометра, показывающего,

какие тексты, на какие языки переводятся чаще: переводчик выбирает те тексты, которые будут востребованы в принимающей культуре. В наибольшей степени роль переводчика значима при рассмотрении культуроформирующей функции, что было неоднократно продемонстрировано в наших работах [7, 8 и др.].

С позиций разрабатываемой нами концепции данная функция означает, что переводчику удалось гармонизировать культурологические смыслы текстов оригинала и перевода: не нарушая культурных ценностей и стереотипов принимающей культуры, переводчик максимально толерантно привносит в нее другие ценности, создавая тем самым благоприятный фон для восприятия иноязычного и инокультурного текста. Более того, языковое пространство исходной культуры расширяет границы своего влияния, а взаимопересечение языковых пространств создает новое уникальное пространство взаимопонимания.

Обратимся к типологической концепции перевода Л.М. Алексеевой. Автор концепции выдвигает свою точку зрения на перевод, которая существенно отличается от сугубо лингвистических трактовок перевода. Внимание акцентируется на экстралингвистическом обосновании перевода, а именно на таких понятиях, как смысл, мыслерефлексия, деятельность. При этом «перевод начинает трактоваться как акт коммуникации» [1, с. 13]. Перевод понимается не как единый процесс, а как четко дифференцированный и расщепленный на отдельные направления видов деятельности. Постулируя идеи типологии перевода, Л.М. Алексеева разрабатывает концепцию научного перевода как одного из самостоятельных типов переводческой деятельности. Автор утверждает следующее: «Для нас исходным положением является то, что научный перевод соотносится с научным типом текста и типом коммуникации... понимание специального текста требует от переводчика специального усилия по пониманию исходного научного текста, выражающегося в умении моделировать научное знание, а не заниматься только поиском значений терминов по словарям» [1, с. 25]. Автор рассматривает перевод как деятельность переводчика, отражающую познавательное отношение переводчика к знанию, выраженному в тексте оригинала.

Как видим, деятельность переводящей личности выдвигается в концепции ученого на первый план, что также свидетельствует о повышении роли языковой личности переводчика в данной исследовательской парадигме.

Когнитивный подход к анализу процесса перевода неоднозначен. В рамках данной статьи мы остановимся подробнее на разработанной нами синергетической концепции переводческого пространства, которую можно отнести к разряду когнитивных концепций, что будет показано ниже. Напомним, что основные положения нашей концепции представлены в нескольких монографиях автора, а также они нашли отклик в диссертационных исследованиях учеников и последователей. Объединенными усилиями была создана монография «Введение в синергетику перевода», опубликованная в 2014 году.

Перевод мы понимаем как процесс транспонирования множества разнородных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Этот процесс совершается в условиях открытой, саморазвивающейся системы, включающей в себя текст оригинала, автора оригинала, культуру автора оригинала, переводчика, текст перевода, культуру переводчика, реципиента, картину мира каждого субъекта – автора, переводчика, реципиента, их интенции, намерения, пресуппозиции, ценности, идеи, мировоззрение и пр. Такое положение вещей означает, что нет и не может быть однородного, неделимого смысла текста оригинала, нет и не может быть единственно правильного перевода. Многосмыслие исходного текста порождает многосмыслие текста перевода, что также не является величиной постоянной. Система, в которой протекает процесс перевода, условно обозначена нами как переводческое пространство. Впервые этот термин мы употребили в 2004 году в статье «Гипотеза о существовании переводческого пространства» [6]. В дальнейшем мы предположили, что наряду с переводческим пространством существует переводческое время, а их совокупность порождает переводческий хронотоп [6]. Напомним, что термин «хронотоп» введен в лингвистику М.М. Бахтиным [9]. Введение понятия «переводческое время», а вслед за ним, уточнение понятия «темпоральный смысл» И.Н. Хайдаровой обусловлены тем, что в каждую историческую эпоху востребованы свои переводы: перевод, созданный в эпоху автора, может не удовлетворять последующие поколения [10]. Иными словами, известное изречение «рукописи не горят» для текстов перевода означает: «а переводы устаревают». Именно в этом ракурсе выполнено исследование темпоральных смыслов И.Н. Хайдаровой, которая показала, что темпоральные смыслы культурно ориентированы, т.е. то, что приемлемо в одной культуре, требует переводческого осмысления в другой культуре, даже если речь идет о временной протяженности рассматриваемого явления. Например, если русский человек говорит: «подождите одну секунду (одну секундочку)», это не означает, что через секунду вы услышите ответ. Вам может понадобиться одна минута или даже несколько минут. И это должен учитывать переводчик!

Переводческое пространство как некая ментальная, когнитивная модель, которая формируется в сознании переводчика, является полевой структурой нелинейной конфигурации, в которой мы различаем ядро и периферию. В качестве ядра выступает содержание текста оригинала, где формируется единственный эксплицитный смысл текста – фактуальный. Вокруг ядра образуются еще два текстовых поля – энергетическое и фатическое, где формируются эмотивный и культурологический смыслы соответственно. Кроме того, текстовые поля пронизаны еще тремя полями субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента. В каждом из них формируется свой смысл: модальный, индивидуально-образный, рефлексивный.

Смыслы всех полей переводческого пространства имплицитны, их постижение требует от переводчика существенных эмоциональных, интеллектуальных усилий, направленных на декодирование исходных смыслов, их дальнейшее перекодирование в язык и культуру реципиента.

Важнейшей идеей, которая характеризует переводческое пространство и отличает его от других моделей перевода, является синергия [4]. Обращение к синергетической парадигме позволило нам объяснить сущность перевода как процесса, в ходе которого имеет место порождение новых смыслов, которых не было в тексте оригинала и которые становятся необходимы для понимания текста перевода в культуре перевода. Это означает, что формируемые в его полях смыслы вступают в синергетическое взаимодействие друг с другом, непредсказуемое, неоднозначное, обусловленное одной целью – текст перевода должен быть принят новой культурой, естественно интегрироваться в нее. Это означает также, что новизна уникальна для каждой культуры: то, что приемлемо в русской культуре, может оказаться неприемлемым во французской. Так, например, слово *дом* в русском языке обладает чрезвычайно широкой семантикой: это и дом, в котором мы живем, независимо от того, одноэтажный он или многоэтажный; это и семья, семейный очаг; это любое здание, которые мы видим или о котором говорим. Во французском языке мы также находим слово *maison*, что в переводе означает *дом*, но, оказывается, данная лексема относится к частному дому, имея в виду *maison individuelle*, но если речь идет о многоквартирном, многоэтажном доме, необходимо употреблять лексему *immeuble*, что непривычно для русского языкового сознания, русской языковой картины мира, и, соответственно, для переводческой картины мира. Заметим, что лексема *immeuble* переводится на русский язык как *здание, сооружение*. Так, в тексте М. Барбери мы встречаем сочетание *la concierge d'immeuble*, вероятно, сочетание *la concierge de la maison* было бы ошибочным, неточным [2, 11].

Таким образом, синергетический эффект возникает в случае, если переводчик не просто проанализировал все поля переводческого пространства, выявил смыслы, но добился приращения новых смыслов.

Синергетические аспекты перевода анализируются Г.Г. Москальчук в статье «Как возникают синергетические эффекты в тексте» [12]. Соглашаясь с нашей схемой динамического представления процесса перевода, ученый дополняет ее деятельностной интерпретацией, исследуя активность переводчика. Г.Г. Москальчук вносит в нашу концепцию следующее дополнение: «...поле деятельности переводчика включает предпереводной этап, где происходит ознакомление с оригиналом, выработка стратегий и тактик перевода. Затем следует собственно перевод и, наконец, – процесс постпереводной деятельности...» [12, с. 13]. Поясним, что в центре нашего исследовательского интереса – процесс перевода, что касается предпереводного и постпереводного этапов, они включе-

ны в концепцию в виде изучения переводчиком предтекста, подтекста, контекста, ориентированных, соответственно, на автора, переводчика, реципиента. Вместе с тем считаем ценным суждение ученого о том, что «...текст оригинала выступает как стимул, возбуждающий и направляющий активность переводчика...» [12, с. 13].

Следующей важнейшей характеристикой нашей концепции является введение системы критериев оценки качества перевода. Если традиционно используются два критерия – адекватность и эквивалентность, то мы включили в их число еще гармоничность и дисгармоничность. Гармоничным мы считаем такой текст перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала. Подчеркнем, смыслы не идентичны, не тождественны, но соотносимы, так как каждый субъект переводческой коммуникации обладает способностью порождать собственный смысл, поэтому смысл поля переводчика не может быть идентичен смыслу поля автора, они могут быть близки, подобны, но они различаются настолько, насколько сам переводчик отличается от самого автора. Именно этот фактор побудил нас ввести категорию гармоничности. Мы считаем гармоничность тем идеалом, к которому стремится переводчик, и этот идеал достигим. Синергия смыслов в переводческом пространстве выступает тем механизмом, который приводит переводчика к гармоничному переводу. Дисгармонию мы соотносим с переводческой ошибкой, погрешностью, неточностью, несоответствием.

Проиллюстрируем изложенное на примерах. Обратимся к фрагментам рассказа А.П. Чехова «Невеста» в оригинале и переводе на французский язык [15]:

1. *Отеческого дара расточив богатство...*

Dissipant la richesse du present paternel...

2. *Люблю я своего батьку...*

J'aime mon paternel...

Мы считаем, что в обоих случаях перевод дисгармоничен. Выбор переводчиком одной и той же лексемы *paternel* для обозначения понятий, принадлежащих к различным регистрам речи, и даже к разным частям речи, нейтрализующей истинное значение двух других лексем русского языка, а вслед за этим и намерения автора текста, свидетельствует о том, что переводчик передает содержание текста оригинала, но не фиксирует свое внимание на смысле. Следовательно, та палитра смыслов, которую можно анализировать, лишь погрузившись в переводческое пространство, не нашла отражения в переводе, в связи с чем франкоязычный читатель не сможет глубоко оценить переводной текст.

В случае гармоничного перевода можно говорить о переводчике как о носителе элитарной речевой культуры, т.е. переводчик становится элитарной языковой личностью. С одной стороны, развивается и совершенствуется сама языковая личность переводчика, с другой стороны, развивается и обогащает-

ся личность реципиента, ради которого выполняется перевод, с третьей стороны, обогащается культура реципиента, которая впитывает результаты качественного, гармоничного перевода, и новый текст становится ее полноценным достоянием. В этом нам видится значимость всех переводческих моделей, кому бы они ни принадлежали. Что касается значимости языковой личности переводчика в нашей концепции, подчеркнем, что в переводческом пространстве мы вычленим самостоятельное поле переводчика, где формируется определенный компонент интегрального смысла текста перевода.

Теория языковой личности переводчика – научно обоснованное самостоятельное направление исследований, которое в той или иной степени отражает состояние современного переводоведческого дискурса. Несмотря на различие существующих подходов и научных парадигм в сфере переводоведения, проблема языковой личности переводчика приобретает все большую значимость. Успешное решение данной проблемы откроет новые перспективы в сфере взаимодействия коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам. И если в одной из своих работ В.И. Карасик отмечает, что «языковое проявление личности – это метафора...» [5, с. 4], то дальнейшее развитие теории языковой личности переводчика будет способствовать тому, что метафоричность приобретет черты терминологичности.

Список литературы

1. Алексеева Л.М., Шутемова Н.В. Типология перевода. – Пермь, 2012.
2. Барбери М. Лакомство: пер. с франц. – М., 2012.
3. Бодрова-Гоженмос Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия, дефиниции // Социокультурные проблемы перевода: в 2 ч. Ч. 1. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – Вып. 7. – С. 42–51.
4. Введение в синергетику перевода: монография / под ред. Л.В. Кушнина. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014.
5. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015.
6. Кушнина Л.В. Гипотеза о формировании и динамическом развитии переводческого пространства // Вестник Тюмен. гос. ун-та. – 2003. – № 4. – С. 144–149.
7. Кушнина Л.В. Теория перевода как междисциплинарная антропология // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 45–53.
8. Кушнина Л.В. Реализация переводческих функций в тексте // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 2 (12). – С. 24–31.
9. Bakhtine M. Esthetique et theorie du roman (traduit du russe). – Gallimard, 1978.
10. Хайдарова И.Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук. – Тюмень, 2008.
11. Barbery M. Une gourmandise (Folio). – Gallimard, 2000.
12. Москальчук Г.Г. Как возникают синергетические эффекты в тексте // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 2. – С. 8–16.
13. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. – 2014. – № 21. – P. 37–60.
14. Lederer M. La traduction aujourd'hui. – Hachette, 1994.

15. Tchékhov A.P. La Dame au petit chien, L'Évêque, La Fiancée (Folio bilingue). – Gallimard, 1993.

References

1. Alekseeva L.M., Shutemova N.V. Tipologiya perevoda [Typology of translation]. Perm, 2012.
2. Barbery M. Une gourmandise. Paris, Gallimard, 2002 (Russ. ed.: Barberi M. Lakomstvo. Moscow, 2012).
3. Bodrova-Gozhenmos T.I. Interpretativnaya teoriya perevoda: osnovnye polozheniya, ponimaniya, definitsii. [Interpretative theory of translation. The main statements, meanings, definitions]. Sotsiokul'turnye problemy perevoda. Iss. 7, in 2 parts, part 1. Voronezh, Voronezhskii gos. un-t, 2006, pp. 42–51.
4. Vvedenie v sinergetiku perevoda [Introduction to translation synergetics]. Ed. by L.V. Kushnina. Perm, PNRPU Publ., 2014.
5. Karasik V.I. Iazykovoe proiavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. Moscow, Gnozis Publ., 2015.
6. Kushnina L.V. Gipoteza o formirovanii i dinamicheskom razvitiy perevodcheskogo prostranstva [The hypothesis about formation and dynamic development of translation space]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, no. 4, pp. 144–149.
7. Kushnina L.V. Teoriya perevoda kak mezhdistsiplinarnaya antropologiya [Translation studies as an interdisciplinary anthropology]. *Bulletin of PNRPU. Issues in Linguistics and Pedagogics*, 2014, no. 10, pp. 45–53.
8. Kushnina L.V. Realizatsiya perevodcheskikh funktsii v tekste [Realization of translation functions in text]. *Bulletin of PNRPU. Issues in Linguistics and Pedagogics*, 2015, no. 2 (12), pp. 24–31.
9. Bakhtine M. Esthétique et théorie du roman (traduit du russe). Paris, Gallimard, 1978.
10. Khaidarova I.N. Issledovanie kategorii perevodcheskogo vremeni v сопоставител'nom aspekte [Investigation of translation space category in comparative aspect]. Abstract of the thesis of the Candidate of Philology. Tyumen, 2008.
11. Barbery M. Une gourmandise (Folio). Paris, Gallimard, 2000.
12. Moskal'chuk G.G. Kak voznikaui sinergeticheskie efekty v tekste [How the synergetic effects appear in the text]. *Bulletin of PNRPU. Issues in Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 2, pp. 8–16.
13. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction. *Atelier de traduction*, 2014, no. 21, pp. 37–60.
14. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Paris, Hachette, 1994.
15. Tchékhov A.P. La Dame au petit chien, L'Évêque, La Fiancée (Folio bilingue). Paris, Gallimard, 1993.

Сведения об авторе

КУШНИНА Людмила Вениаминовна

e-mail: lkushnina@yandex.ru

Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

About the author

Ludmila V. KUSHNINA

e-mail: lkushnina@yandex.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)